

МК БУКВАР. - 2004. - 3-9 НОЯБРЯ. - С. 16-21

Павел ЛУНГИН:

«У меня нет денег, но мне хватает на жизнь»

ПАРИЖСКАЯ ЖИЗНЬ

Он говорит, что его жизнь изменил один телефонный звонок. Если бы не он, возможно, Павел Лунгин до сих пор лежал на диване и читал. А так появились “Такси-блюз”, “Луна-парк”, “Свадьба” и “Олигарх”.

Так мир узнал режиссера-западника Лунгина, конформиста и конъюнктурщика. В хорошем смысле. Кино ведь — это тот же шоу-бизнес. Так к чему тут лицемерие?

— Павел Семенович, правда, что в Париже вы известны больше, чем в Москве?

— Популярен я стал после показа “Такси-блюза” и “Луна-парка”. В начале 90-х Россия всех очень интересовала, все ждали от нее какого-то чуда. А я был как раз тем человеком, который рассказывал, что же на самом деле творится в современной России. Сейчас уже на улицах Парижа меня редко узнают, разве что какой-нибудь кинофил подойдет поговорить.

— А как так получилось, что вы, по вашим словам, до 40 лет лежали дома на диване и читали китайские книжки, периодически писали сценарии и вдруг, не имея режиссерского образования, сняли “Такси-блюз”, который стал лауреатом Каннского фестиваля в номинации “Спецприз за режиссуру”?

— Это какое-то стечение обстоятельств. На Западе советское кино всегда ассоциировалось с подчеркнуто-поэтичным изложением материала, с широкими реками, с бедными, но благородными людьми. А я впервые показал интенсивную городскую жизнь, ничем не похожую на то, что видели раньше. Как говорится, мой фильм оказался в нужное время в нужном месте.

— А с чего все началось?

— Один знакомый моих знакомых (он купил русскую живопись) как-то попал ко мне домой и захватил с собой почитать мой сценарий. Через 8 месяцев, как в плохом романе (в жизни кажется, что такого не бывает), мне позвонил влиятельный французский продюсер Марин Кармиц. Сначала я подумал, что меня разыгрывают, и повесил трубку, а потом на всякий случай перезвонил.

— Но успех первого фильма вы просчитывали?

— Нет. Кармицу я честно сказал, что сам никогда ничего не снимал. На что он мне ответил: “Или ты делаешь, или никто”. Я приступил к съемкам. Если говорить о просчете, о предвидении успеха, то это сделал Марин. Именно он меня создал (в объединении Меньшова со мной вообще

расторгли договор, им мой сценарий показался неинтересным). Но в то время я ничего этого не понимал, у меня было головокружение от успеха. Как же! Позавчера я еще в бездействии лежал на диване, а сегодня мой фильм едет в Канн!

— Вы общаетесь сейчас с Кармицем?

— Нет, мы расстались. Кармиц очень сложный человек. Он мне предлагал подписать договор на три фильма подряд. А я не согласился (мне хотелось быть свободным) и ушел от него.

— Жалеете?

— Конечно! Если бы я остался с ним, то сегодня я был бы уже в совершенно другом месте. Кармиц скупой, жесткий, но очень любящий и понимающий кино человек. Сейчас он несметно богател, у него большая сеть кинотеатров. Я выбрал творческую свободу и заплатил за это.

— Через год после каннского триумфа вы переселились во Францию. Любый режиссер, ставший однажды лауреатом Каннского кинофестиваля, может себе это позволить?

— Нет, просто одни обстоятельства сложились с другими. В России кино не снимали, Госкино рассыпалось, а там давали деньги. После того как я понял, что во Франции я живу больше, чем здесь, переехал. Но паспорт у меня до сих пор российский.

Раньше в квартире Лунгина рядом с бронзовым Дон Кихотом стоял Санчо Пансо. Но брат Евгений забрал его к себе домой.

Владимир ЧУСТЯКОВ

По словам Лунгина, он весь состоит из слабостей. Питает их к картинам, которые дарят друзья-художники, и к спиртному, которое покупает сам.

— Читая в Москве китайские книги, вы все время мечтали эмигрировать?

— Китайская философия учит тому, что весь мир сосредоточен в тебе самом. В то время это было утешением, ведь никуда не пускали, и было ощущение, что жизнь проходит мимо. Однако я сказал себе: “Нет и не надо. Париж и Нью-Йорк — все это лишь глянцевые открытки”.

— Ваша мама в детстве жила во Франции. Как она там очутилась?

— Мой дед был крупным инженером. Как-то советское правительство послало его работать в Берлин. Через некоторое время он уехал в Москву, откуда его больше не выпустили. Бабушка с маленькой мамой остались в Германии, а потом переехали во Францию. Бабушка была активной женщиной и слюла руки не сидела: во Франции она организовала кукольный театр. Это был 1932 год. Вскоре они вернулись в Москву. В то время моей маме исполнилось 14 лет. В России она ни разу не была и русский язык не знала. Пришлось ей все начинать с азов.

— А французскому языку зачем она вас учила? Хотела, чтобы вы уехали?

— Она всю жизнь жила во французской культуре, во французской атмосфере. Видимо, этот мир ее переполнял, и она хотела передать его частичку мне. В 8 лет я уже свободно разговаривал. Однако тогда я не понимал, зачем мне это надо, и очень сильно этому сопротивлялся.

— Говорят, что ваша популярность на Западе объясняется тем, что вы чутко улавливаете умонастроение западной публики и потакаете ее вкусам...

— Когда я вернулся из Канна с “Такси-блюзом”, все на меня смотрели с таким прищуром, как бы спрашивая: “Что продал: душу или Родину?” На самом деле продать это невозможно, так как это никто не покупает. Чтобы у тебя что-то получилось, надо быть искренним, иначе все сразу увидят фальшь. В своих фильмах я всегда пытаюсь ответить на вопросы, которые мне самому не ясны. Например, “Свадьба”. Тогда ведь практически никто не выезжал из Москвы! А я поехал в глубинку. Находясь с этими людьми, я почувствовал, как они живут, и это меня наполнило.

— Еще говорят, что Россия в ваших фильмах не такая, какая есть, а такая, какой ее видят или хотят видеть на Западе...

— Это оттого, что каждый мой фильм — это проход в то, что еще не было сказано. У нас никто не делает фильмов о современности, нет попыток понять и осмыслить, как жило это общество в годы смятения, когда свобода осознавалась как наказание. Я один из первых, кто показал реальную Россию, а первым всегда нелегко.

— У вас имидж режиссера, который прекрасно знает, как нужно продавать картины на Запад. Это действительно так?

«В Париже я или снимаю, или думаю о будущем фильме. Самое тяжелое для меня — это ожидание съемок. Все время пытаюсь сделать так, чтобы, окончив работу над одним фильмом, сразу приступить к другому. Но так у меня никогда не получается».

разговор на бульваре

«Приходя на съемочную площадку, я не всегда знаю, что надо делать. От этого меня охватывает ужас, и я чувствую себя мышкой, которую кот загнал в угол. И вот тут я начинаю творить чудеса, как бы перехожу на другой уровень энергии».

— Давно пора перестать думать, что все в мире мечтают посмотреть на наши проблемы, на наши мусорные ящики. В Южной Африке мусорные баки гнилее, а распад в западном обществе намного глубже, чем у нас. Поэтому несчастная Россия уже давно никого не интересует. А вот искренность, наивность, может быть, и купят, ведь у них такого нет.

— **Вы снимаете картины на французские деньги. Что вы такого делаете, что вам дают западные деньги на картины о российской жизни?**

— За годы своей работы я вошел в ряд интернациональных режиссеров, фильмы которых интересуют людей во всем мире. У меня есть своя сложившаяся аудитория, которая при упоминании фамилии Лунгин безоговорочно идет смотреть мои фильмы. Однако это не значит, что я позволяю себе расслабляться. Наоборот, все время нахожусь в подвешенном состоянии. Ведь если ты один раз, другой раз сделаешь неудачный фильм, то в третий раз тебе уже никто не даст деньги.

— **Вы живете в Париже, каждое утро смотрите из окна своей квартиры на Сену, и тем не менее, по вашим словам, вас волнует исключительно российский мир. С чего бы вдруг?**

— Так было раньше, когда моя ностальгия была особо острой. Сейчас я успокоился, и россий-

ская тема меня уже не очень занимает. К тому же во Франции я не умел читать людские коды, я не понимал жителей Парижа. А сегодня я уже начинаю вживаться в тамошнюю жизнь, уже есть желание сделать что-то с французскими актерами. Теперь мне все равно, француз со мной разговаривает или русский. Я смотрю на человека, я с ним общаюсь, и в зависимости от этого я люблю его или не люблю.

— **Во Франции вы живете 10 лет и только начинаете вживаться?**

— Думаю, 10 лет — это тот минимальный срок, после которого начинаешь чувствовать себя своим. Сначала у меня была депрессия, затем были годы, о которых я практически ничего не помню, — и вот все изменилось. Мне стало легче.

— **Как-то вы сказали: «Человек — это такая птичка, которая живет там, где ей сыплют, но мне еще ни одного зерна любимая родина не дала». А если бы вы стали востребованы в России, то вернулись бы на родину, или Париж с вами уже навсегда?**

— У меня сложное положение. Мое стремление к свободе всегда противоречило получению большого количества пшена. Поэтому я собираюсь жить именно там, где захочу и где буду востребован. Кто знает, может быть, возьму да и уеду в Америку. Но это вовсе не значит, что я со-

Это — московская резиденция Павла Лунгина. Здесь жили его родители, тут он провел свое детство.

А это — рабочий кабинет режиссера. Здесь он написал сценарий, по которому был снят всем известный “Такси-блюз”.

бираюсь навсегда покинуть Россию. Раньше я приезжал из скучной, чопорной Франции в Москву и просто упивался: “Вот она, свобода! Мир дружбы, любви и открытых людей!” А сейчас я по-другому смотрю на российскую столицу. Здесь появилась большая жесткость человеческих отношений, ужасный прагматизм, примитивная деловитость и страшная любовь к деньгам. Все время жить под этим прессом ужасно тяжело. В Париже такого нет.

— Фильму “Свадьба” был вручен специальный приз жюри за лучший актерский ансамбль. При этом вы сказали: “Подбор актеров — период ужасных сомнений, слабости, неуверенности. Неприятный для меня период”. А есть такие, которых вы берете сразу, не раздумывая, так сказать, любимчики?

— Наташа Коляканова. Она мой амулет.

— Актеры на вас часто обижаются?

— Наверное.

— Вот Наталья Коляканова обиделась на то, что в “Олигархе” ее образ вы сократили и урезали, хотя сами называли ее великой клоунессой.

— Наталья замечательная артистка, которая до конца не реализовалась. Я уже давно ищу сценарий, чтобы сделать с ней какую-нибудь особую историю, но это дело случая. Ее образ в “Олигархе” я не урезал, и она мерцает у меня как жемчужина. Все дело в ее характере.

— А вы будете ее еще приглашать?

— Конечно. Я ее люблю. Да мы и не ругались. Просто это она меня так подзуживает. Как можно ссориться? Мы вместе.

— Как-то вы сказали: “С каждым фильмом я ставлю на кон самого себя. Я выигрываю или проигрываю, иду вверх или вниз, вдруг все посмотрят и скажут, что режиссер — ничтожество”. По вашим ощущениям с последним фильмом “Олигарх” вы выиграли или проиграли?

— Выиграл. Я сделал фильм, который опережает свое время: конфликт между государством и олигархами продолжается до сих пор. Я имел огромную прессу на Западе, меня приглашали вести семинар, посвященный этому фильму. Да и три статьи в “Нью-Йорк таймс” — это кое-что значит.

— По вашим словам, с Березовским вы виделись 2 раза до съемок. Как это происходило?

— Нашу первую встречу организовал Юлий Дубов, который был приближенным к Березовскому человеком и который написал книжку “Большая пайка” (по ней я и собирался снимать “Олигарха”). На Лазурном Берегу у Березовского дом, и, когда я там был проездом, меня позвали в гости. Не скрою, нам было любопытно посмотреть друг на друга. Однако товарищами мы не стали: как две собаки, обнюхали друг друга и разошлись. Березовский оказался умным и интересным собеседником, не заикленным на

«С собой я не борюсь и принимаю себя таким, какой я есть. А вот быть смешным мне совсем не хочется. Иногда веду себя неадекватно, и тогда люди со стороны начинают поглядывать на меня с усмешкой. Когда замечаю такое — становится не по себе».

разговор на бульваре

деньгах. Он интересуется не только политикой, но и философией, любит жизнь и хорошее кино. С ним было интересно спорить о России. К тому же я увидел, что этот человек во многом предан друзьям. А его итальянский камердинер меня постоянно забавлял. Когда по телефону звонил Гусинский, он важно так объявлял: "Гус". А второй раз мы встретились в Париже. Думаю, ему было одиноко, а я не так уж и глуп — захотелось поговорить. Мой фильм Березовского не очень заинтересовал. Ведь что ни говори, а он очень прагматичный человек. Вот если бы я стал снимать документальный фильм о нем самом, тогда да — Березовский бы действительно во всем этом участвовал.

— **По французским меркам вы состоятельный человек?**

— Я живу как нормальный западный интеллигент. У меня нет денег, но мне хватает на жизнь. Если говорить о недвижимости, то парижская и московская квартиры — это единственное, что у меня есть.

— **У вас два сына. Чем они занимаются?**

— Александр (ему 32 года) живет в Москве и пишет сценарии для сериалов. Когда я приезжаю сюда, мы видимся каждые 2—3 дня. Ивану — 24. Он художник, живет в Париже. Этим летом приезжал в Москву.

— **Ваша жена Елена несколько лет назад со своей подругой открыла в Париже небольшой ресторан. Их бизнес до сих пор процветает?**

— Оказалось, что ресторанный бизнес — это очень много работы и очень мало денег. Все время инспекции и проверки. Теперь я не уверен, что это была хорошая идея. Единственное, что мне нравится, так это то, что я могу туда бесплатно водить своих друзей.

— ТАТЬЯНА НИКИШИНА

В этой ванне именитый режиссер купался еще ребенком.

